

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Е.Ф. КОРОЛЬКОВА

Даши Намдаков

2

То, что выставка Даши Намдакова состоялась в Эрмитаже, само по себе примечательно. С одной стороны, это своего рода акт признания скульптора мастером высочайшего класса и включение его в когорту выдающихся художников мирового уровня. С другой — это опыт сопоставления современного искусства с древним и попытка осмысления в этом ключе развития мировой культуры в целом. Археологические артефакты на этой выставке соединены с творениями нашего современника, духовный мир которого оказывается вполне органично связанным со всеми предшествующими историческими эпохами.

Даши Намдаков — несомненно, явление в искусстве: не только в бурятском, не только в российском, не только в современном — в искусстве мировом, в искусстве вообще, вне времени и пространства. Этот факт следует признать. Его почерк неповторим: ощущение формы, пластики, движения, чувство пропорции и гармонии в его работах безупречно и вместе с тем самобытно. Изысканный эстетизм его произведений ни с кем и ни с чем несравним. Они прекрасны какой-то нездешней красотой, красотой грёз и сновидений. При этом его изобразительный язык выверенно лаконичен и точен, а власть над линией безгранична.

Его искусство завораживает: оно притягательно и странно одновременно. Шарль Бодлер заметил однажды, что «прекрасное всегда бывает странным». То, что Даши Намдаков — художник современный, не подлежит сомнению. Это касается не только трактовки формы, пластики, но и мироощущения в целом, видения сущности окружающего мира. Его творчество доказывает, что, вопреки существующему мнению, изобразительное искусство ещё не исчерпало своих потенциальных возможностей.

3

Однако при всей современности творчества Даши Намдакова в его произведениях явственно проступают образы древнего мира. Они органично входят в его художественную концепцию. Древневосточная мифология и исторические реалии читаются в его композициях, заставляя всколыхнуться глубинные ассоциации с миром древних кочевников, воинственным и суровым, миром, создавшим свою гармонию форм и динамики, свою эстетику восприятия окружающего. И искусство Даши Намдакова чрезвычайно тонко и деликатно доносит её отголоски в современных формах и в совершенно новых ракурсах. Это совсем не иллюстрации к истории и, строго говоря, даже не исторические образы, а аллюзии: в творчестве Даши Намдакова мы находим лишь воплощение некой загадочной энергетики прошлого, передающейся в веках как достояние культурного наследия.

Художественное творчество — удивительный феномен, не поддающийся объяснению в принципе и, очевидно, ему и не подлежащий, поскольку рождение художественного образа — таинство. Художественное произведение — это своего рода живой организм. Оно всегда представляет диалог автора со зрителем, а восприятие образа — это процесс, в котором не последнюю роль играет и субъект восприятия. Зритель может увидеть или почувствовать в нём то, чего порой и не предполагал заложить в него автор, но сделал это невольно, повинувшись своему подсознанию и эмоциям. Высшее достоинство художника — это оставление некой свободы восприятия зрителю, вовлечение его в сотворчество и стимуляция его собственного воображения и эмоционального поля. В художественном произведении важны некие сенсорные точки соприкосновения, заданные и обозначенные автором и адресованные зрителю, который на основе собственных ассоциаций воспринимает образ. В творчестве Даши Намдакова явственно прослеживаются две составляющие:

4

прекрасная профессиональная школа европейского художника и образы древних цивилизаций Востока как источник вдохновения. Его безукоризненное владение формой и линией вызывает восхищение. Это в равной степени относится и к его скульптуре, и к графике, и к мелкой пластике ювелирных изделий. Даши Намдаков впитал наследие мирового изобразительного искусства от живописи Альтамыры и ренессансной графики, японской гравюры и нэцке, скифо-сибирского звериного стиля и центрально-азиатской и средневековой европейской пластики до африканской скульптуры. Однако это отнюдь не набор заимствований, это явление гораздо глубже и масштабнее, а истоки образов находятся совсем в иной плоскости.

Эхо веков отзывается в образах Даши Намдакова. Узнавание каких-то отдельных черт скифо-сибирского звериного стиля и монгольской пластики, японской гравюры или средневековой скульптуры — это только тень предшествующих эпох мировой культуры. Это не реплики каких-то удачно найденных формул или стилизаторские перепевы известных мотивов. Это искусство далеко от заимствования или цитирования, несмотря на прямые отголоски в способе организации формы или пространства, поскольку в каждом произведении Даши Намдакова — его собственное мироощущение, пластика и мощное творческое начало. Это совершенно новая художественная материя, живая и трепетная. Скифо-сибирский звериный стиль сближается с образами Даши Намдакова ещё одним свойством: и тот, и другой художественные феномены допускают чрезвычайно пластичное соединение разнородных элементов, формируя целостный образ.

В его творчестве причудливо и неразрывно переплелись вековые традиции европейского и азиатского искусства. Высочайшее мастерство графики,

5

отточенность контуров и выразительность образов ставит творчество Даши Намдакова в один ряд с самыми выдающимися художниками. Текучие, подвижные линии, ощущение меры, которое сохраняет гармонию формы и соотношения объёмов при стилизационном искажении натуральных пропорций отличают как его трехмерные произведения, так и графику. Это умение сравнимо с безупречным чувством формы и равновесия в композициях скифо-сибирского звериного стиля эпохи ранних кочевников, феномена, как мне кажется, до сих пор недостаточно оцененного с точки зрения чисто художественных достоинств.

Искусство Даши Намдакова одновременно созерцательно и интеллектуально. Его отличает романтизм, несущий грацию и нежность женским образам и могучую энергию образам героическим.

Творчество Даши Намдакова справедливо сравнивают с жанром «фэнтези» в литературе, популярность которого соответствует ориентированности современного сознания и сегодняшнему мировоззрению. Причём это не формальная принадлежность жанру, а характер мироощущения и импонирующей ему образной системы, метафоричность которой подчас относится к области подсознания. Метафора — это основа лексики «невидимых миров», то есть внутренней жизни человека. Посредством метафоры создаётся образ. Именно она апеллирует к воображению и порождает смысл, воспринимаемый разумом, всегда, однако, оставляя некую недосказанность, некий скрытый подтекст и неоднозначность.

Образы искусства Даши Намдакова сближаются со сферой сновидений и фантазий, которые, по своей природе, морфологии и структуре близки мифологическим, так как имеют единый алгоритм образования и опираются на одни и те

6

же архетипические знаковые элементы, базирующиеся на дальних ассоциациях.

Выразительность и красота образов Даши Намдакова зачаровывают своей сказочной загадочностью и явственной, но не сразу осознаваемой замедленностью даже самого стремительного движения. Такое движение характерно именно для сновидений.

Например, скульптуры «Всадник» (1999г.) и «Воин Чингисхана» (2007 г.) — это парафраз на одну и ту же тему: конный воин-лучник мгновение назад спустивший тетиву лука, — и у зрителя возникает полное ощущение, что он ещё слышит звенящий звук тетивы и свист летящей стрелы. Сложный ракурс фигуры коня и позы всадника, застывших в стремительном движении, — миг вечности. «Стихия» (1999г.) — образ свободы и необузданной дикой силы в облике несущегося вскачь коня, стремительность бега которого парадоксально ощущается застывшей в мгновении и свободно парящей, а сама фигура - лишённой всякого насилия гравитации.

Характер движения, заложенный в композицию, подчёркивает содержание образа. Так, мифологические персонажи, связанные с бурятскими сказаниями, несут в себе мощь предков и эпическое звучание. Мифический бык Буха-нойон, тотемный предок бурятских племён булагатов и эхиритов, в древних сказаниях выступает как олицетворение силы добрых западных тенгри, воплотившихся в сивого быка, борющегося с пёстрым быком, порождением злых сил восточных тенгри. Бык-тотем — мотив архетипический для человеческой культуры в целом, и его образ решён композиционной аллюзией на палеолитические изображения Альтамиры — древнейший памятник изобразительного искусства.

7

«Апис» (2005 г.) — это уже абстракция, основанная на образе мифического быка Аписа, бога плодородия у древних египетян. Художник свободно оперирует языком изобразительного искусства и архетипическими символами для передачи сложной семантики общечеловеческого звучания.

В творчестве Даши Намдакова множество зооморфных мотивов мифического характера. Скульптура «Мать» (2007 г.) изображает пантеру или львицу с двумя детёнышами — весь её облик дышит незыблемой силой материнской защиты. Утрированно вытянутые пропорции фигуры подчёркивают её устойчивость и вместе с тем пластику кошачьего тела, которая заставляет вспомнить образы хищников в искусстве скифо-сибирского звериного стиля первого тысячелетия до нашей эры. Именно из этого искусства, которое являлось зооморфным кодом для выражения неких важнейших мировоззренческих концепций древних племён евразийских кочевников, восприняты автором и некоторые формальные элементы: например, углубления в форме запятой, служившие в скифо-сибирском зверином стиле гнёздами для цветных вставок. Но в его произведении эти элементы использованы совершенно по-новому и лишь добавляют выразительность образу.

С искусством Древнего Востока ассоциируется и «Царица» (2001 г.). Пантера или львица, с вытянутым упругим телом, полным мощи и кошачьей грации, с рельефными мускулами под гладкой кожей — являет собой воплощение царственного величия. Обращённая в фас голова зверя напоминает зооморфные образы древнего Ирана или росписей ориентальной античной керамики VII в. до н.э. Величественное спокойствие всей фигуры и застылость выражения морды вступают в неожиданный контраст с положением хвоста, который как свистящий в воздухе взмах плети взвивается над мощным телом, внося тем

8

самым в образ намёк на грозную силу.

Его скульптуры «Хранитель» (2001) и «Хранительница» (2003), безусловно, навеяны мифологическими фантастическими образами культуры Древнего Востока и европейского средневековья, олицетворяющими устрашающую защиту. И всё же они имеют сугубо авторское звучание.

Кони в пластике скульптора занимают особое место, и их образы решены по-разному, в зависимости от содержания. Кони под всадниками и всадницами («Затмение» (2002 г.), «Всадник» (1999), «Кочевник» (2003), «Воин Чингисхана», «Свет Шамболы» (2004 г.), «Усть-Орда» (2002 г.), «Богатая невеста» (1998 г.), «Полёт» (2007 г.); «Похищение») и кони как самостоятельные персонажи («Конь Сэтэр», «Конь Модэ», «Стихия») не только получили разноплановую трактовку, но и в основе имеют разные прототипы.

Так, композиция скульптуры «Полёт» (2007) построена на контрасте беззащитной обнажённой человеческой фигурки, прижавшейся к шее коня, с мощью животного, вытянутые пропорции которого напоминают древние наскальные изображения со строгими и лаконичными силуэтами лошадей и оленей, как бы стоящими «на цыпочках».

Белый жеребец Сэтэр — конь особенный: с огненными глазами, не знавший седла и узды, он носил на себе лишь невидимого могучего бога войны Сульдэ, который вёл войска монголов к победе. В его совершенной по пластике фигуре просматриваются аналогии с изображениями греческой архаики. «Конь Модэ» связан с красивой легендой о любимой боевой лошади хана Модэ (234–179 гг.), основателя империи Хунну. Этот конь пал жертвой в до-

стижении ханом власти и беспрекословного подчинения своих воинов: первую стрелу Модэ пустил в любимого коня. Те из воинов, кто не последовал его примеру, сочтя неразумным губить такое великолепное животное, были немедленно казнены ханом. Вторую стрелу Модэ направил в любимую жену. И воины, не решившиеся повторить его действия, были также казнены. Когда же во время охоты хан направил свой выстрел в отца, с которым Модэ боролся за власть, все воины без колебания пустили свои стрелы в старого хана. Эта концепция беспрекословного повиновения воле военного вождя была основой идеологии всех воинственных евразийских кочевников и потому относилась и к истории эпохи Чингисхана.

Чрезвычайно интересны образы Даши Намдакова, в которых проступает сакральный смысл видений. «Воспоминания о будущем» (2001) — произведение, которое рождает ассоциации со сновидениями, образом смерти и космической фантазией. Использование автором мотивов древних оленных камней Центральной Азии в этой скульптуре не только тонко и самобытно, но и чрезвычайно органично.

Ритуалы шаманов и буддийского монаха становятся темами произведений Даши Намдакова. Его «Шаман» (1998) загадочен и пугающе притягателен. Мотив священнодействия в скульптурах «Хозяин» (1998) и «Ритуал» (2001) манит и волнует одновременно, создавая иллюзию ощущения звука.

Фантазии то ли глубокого прошлого, то ли далёкого будущего видятся в необычайно выразительных фигурах воинов с распластанными в немислимом развороте фигурами, в состоянии перенапряжения внутренних сил («Бегущий», 2004 г., «Лучник», 2000 г.) и в причудливом образе («Вечер», 2000), на-

поминающем фантасмагории Брейгеля. Образы воинов Даши Намдакова берут свое начало и в историческом прошлом, и в легендах. Они очень разные: например, «Старый воин» (2001) — согбенный, но несгибаемый, и величественный «Чингисхан» (2003).

Женские же образы в творчестве художника нежны, хрупки, и изысканно изящны. Они всегда сопряжены с фантазией и грёзой. «Жемчужина» (2002) соединяет в себе два начала: это синкретизм человеческого и природы, стихии, красоты. Женские волосы переданы как отростки раковины, и это решение наводит на ассоциации с мифом о рождении Венеры, но всё это — лишь сон...

«Обнажённая с ягодкой» (1999 г.) — трогательно-нежный образ. Сложный ракурс движения в разных плоскостях контрастирует с бесстрастностью маски лица с отсутствием выражения. Изящно склонённая голова и три гравированные волнистые линии на щеке — тонкие пряди волос — придают фигурке беззащитность и грацию.

«Кокон» (1999 г.) дышит оцепенением, застылостью и покоем вечного сна. Высокий головной убор древних цариц и спокойствие вечности уводят зрителя в мир то ли фантастических, то ли исторических видений..

В скульптуре «Богатая невеста» (1998) жест рук и маска недвижимого лица, минимализм разработки поверхности, гладкость которой подчеркивает плавную грацию фигурки и изящество форм создают ощущение сна и мечты.

В ювелирном искусстве Даши Намдакова царят подобные образы-грёзы и просматриваются совершенно по-своему переосмысленные видения из глу-

бины веков. Фигурка «Принцессы» сочетанием золота и вставок синего цвета заставляет вспомнить изделия мастеров I тыс. до н. э., в которых золотые художественные изделия украшены бирюзой. Но это всего лишь аллюзия на древность. В действительности это внутренний мир самого Даши Намдакова, богатый и сложный, интересный и прекрасный.

В своём завещании художникам Огюст Родэн, обращаясь к будущим мастерам и призывая их «не мыслить на поверхности, а только в глубину», отмечал, что «всякая жизнь возникает внутри себя, но затем развивается раскрывается изнутри вовне» и то, что «хорошо подчёркнутым бегом линий» художник «погружается в пространство и овладевает глубиной...». Родэн писал: «для художника всё прекрасно, потому что в каждом существе, в каждой вещи пронизательный взор его открывает характер, то есть внутреннюю правду, которая просвечивает сквозь внешнюю форму. И эта правда есть сама красота».

Художник — всегда дитя своего времени и порождение своей эпохи. Однако дар божий делает его провидцем и выразителем каких-то глубинных связей человека вообще с Вселенной, он соединяет прошлое с будущим. Зов далёких предков слышится в беззвучной музыке линий и форм произведений Даши Намдакова, ибо древо его искусства уходит корнями в древнюю землю, а в его ветвях шумит ветер степей...

